

КНЯЖЕСКИЕ БРАКИ В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ В XII ВЕКЕ ПО ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В. И. Панова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 декабря 2010 г.

Аннотация: анализируется летописная информация о заключении брачных союзов в Русской земле в XII в., дается их характеристика, определяется роль церкви и княжеской власти в регулировании брачных отношений, отмечается значение княжеских христианских браков в становлении древнерусской государственности и развитии общественных отношений. **Ключевые слова:** брак, брачные отношения, Русская земля, церковь, церковные правила (каноны), князь, государство, общество.

Abstract: the article looks into information provided by chronicles on contracting marriages in the Russian Land at the beginning of feudal disintegration (1132–1200). The author describes marriages, defines the role of the church and princely power in regulating marital relations and ascertains the importance of Christian marriages for the establishment of the Old Russian state and development of social relations.

Key words: marriage, marital relations, feudal disintegration, Russian Land, church, princely power, state, society.

Проблема брачных отношений в Русской земле в древний период изучена недостаточно и неравномерно. Например, слабо рассмотрены вопросы начального этапа феодальной раздробленности. Сведения о русских удельных князьях, живших в XII в., и членах их семей в историко-генеалогических исследованиях представлены не полно и с ошибками [1, с. 154, 181, 227, 228, 234 и др.]. Одной из причин этого является малое использование летописей, в которых сохранились датированные примеры развития брачных связей в истории отдельных княжеских родов на протяжении нескольких поколений. Кроме того, в летописях имеется информация и об иных брачных отношениях.

Целью настоящей статьи является на основании Ипатьевской летописи (далее – ИЛ) проследить заключение княжеских брачных союзов в Русской земле на начальном этапе феодальной раздробленности (1132–1200), дать им характеристику, попытаться определить роль церкви и княжеской власти в регулировании брачных связей, а также значение княжеских христианских браков в становлении древнерусской государственности и развитии общественных отношений. Информацию о браках, сохранившуюся в ИЛ за это время, условно можно поделить на информацию о княжеских брачных союзах и информацию об иных брачных отношениях. О княжеских брачных союзах сведения в ИЛ

встречаются достаточно часто. Материалы летописи позволяют говорить о 36 случаях заключения княжеских браков. Об иных брачных отношениях в ИЛ сообщается редко.

Сведения о брачных союзах между князьями, в свою очередь, можно разделить на сведения о браках: между русскими князьями, между русскими князьями и представителями политической элиты других государств, между русскими князьями и половцами, а также на сведения об иных княжеских брачных связях. Информация о княжеских браках в ИЛ, за редким исключением, имеет краткий характер. Но даже краткие сведения записаны в разных случаях по-разному. Самое краткое известие касается брака князя Ярополка [2, стб. 665–672]. Упоминание о «свадьбе Ярополчи» под 6698 (1189/90) г. ни о чем не говорит, кроме того что некий князь Ярополк женился и по этому поводу устроил свадьбу. Из текста летописи видно, что Ярополк был родным братом Анны Юрьевны, жены Рюрика Ростиславича. Летописец отметил также, что Рюрик Ростиславич был на свадьбе у своего шурина Ярополка. О супруге Ярополка Юрьевича в летописи не упоминается.

В других случаях называются дата события и имена брачующихся. Так, под 6673 (1164/5) г. записано: «ведена бы(сть) Ростиславна Огафья за Олга за С(вя)тославича м(еся)ца июня въ 29 д(е)нь» [2, стб. 524–525]. Или под 6683 (1174/5) г. читаем: «Тое же зимы оженися Ярополкъ Ростиславичъ князь Володимѣрьскій пославъ къ Смо-

леньску поя за ся княгиню Всеславлю дщерь князя Витебскаго вѣнчася с нею въ Водимѣрѣ оу с(вятѣ)ки Б(огородицѣ) м(еся)ца генваря въ 3 д(е)нь масопустыной недѣлѣ во вторникъ» [2, стб. 598]. В летописи встречаются и более полные сообщения, из которых видна процедура заключения брака от момента договора о браке между родителями жениха и невесты до венчания в церкви и свадьбы. Самым подробным описанием такого примера является рассказ о браке дочери Всеволода III Верхуслavy и сына Рюрика Ростиславича Ростислава. Под 6695 (1188/9) г. летописец записал, что «с велика» дня, т.е. с пасхи, Рюрик Ростиславич послал своего шурина князя Глеба с женой и многих бояр с женами в Суздаль к Всеволоду Юрьевичу «по Верхоуславоу за Ростислава». Пасха в 1188 г. была 17 апреля [3]. «А на Боришь днь о(т)да Верхоуславоу дщерь свою» великий князь Всеволод, дав «по неи многое множество бещисла злата и (се)ребра а сваты подари велики дары и с великою ч(ес)тью о(т)пусти» [2, стб. 658]. Всеволод послал с Верхуславой сестрича своего, т.е. сына своей сестры, Якова с женой и «ины бояры с женами».

Под «Боришь днь» летописец имел в виду день перенесения мощей святых Бориса и Глеба, отмечаемый церковью 2 мая. Считать, что Верхуславу отправили к жениху в день памяти святых Бориса и Глеба 24 июля нельзя, так как из дальнейшего повествования видно, что «приведоша же ю в Бѣлѣгородъ на Офросѣнѣинъ днь». День памяти полоцкой игуменьи прп. Евфросиньи отмечается церковным календарем 23 мая [3]. На другой день после прибытия Верхуславу благословили и обвенчали в деревянной церкви святых Апостолов. Обряд венчания осуществлял епископ Максим. После этого Рюрик Ростиславич «створи» «велми силноу свадьбу ака же несть бывала в Роуси». Летописец заметил, что на свадьбе присутствовали «кнзи мнози за 20 кнзѣи». Снохе Рюрик дал «многи дары и городъ Брягинъ».

Возраст, впервые вступающих в брак, как видно из ИЛ, мог определяться договоренностью сторон в лице родителей. Например, Всеволод III в 6695 (1188/9) г. отдал замуж свою дочь Верхуславу «осми лѣтъ». Ростислав родился 5 апреля 6680 (1172/3) г. [2, стб. 566–567], следовательно, в мае 1188 г. ему было 16 полных лет. Они прожили вместе 27 лет до смерти Ростислава в 1215 г. По М. В. Когану, у них родились две дочери Измарагда и Ефросинья [1, с. 148, 234]. В ИЛ сообщается только об одной дочери, которая родилась в 6706 (1198/9) г. [2, стб. 708]. Ее рождению летописец посвятил

целый рассказ. Из рассказа видно, что, во-первых, дочь Ростислава Рюриковича родилась зимой и, во-вторых, что «нарекоса имя еи Ефросѣнѣя и прозваниемъ Измарагдѣ еже наречется дорогыи камень». То есть, по ИЛ, Ефросинья и Измарагда это одно и то же лицо. Поскольку имен других детей Ростислава и Верхуслavy неизвестно, то можно сказать, что у них была одна дочь и что она была не только единственным, но и долгожданным ребенком. Продолжая рассказ о рождении Ефросиньи, летописец отметил, что по поводу ее рождения «бы(с) радость велика во градѣ Киевѣ и в Вышегородѣ». На рождение Ефросиньи приехали двоюродный брат Ростислава Рюриковича Мстислав Мстиславич Удалой, тогда удельный князь трипольский, «И тетка еи Передѣслава и взяста ю к дѣдоу и к бабѣ и тако воспитана бы(с) в Киевѣ на Горахъ».

Чтобы установить можно ли княжеские браки начального периода феодальной раздробленности считать христианскими, необходимо проанализировать их с точки зрения действовавших в то время правовых норм православной церкви, называвшихся правилами или канонами. Остановимся сначала на вопросе о законности (с церковной точки зрения) заключенных княжеских браков. Из 36 случаев упоминания княжеских браков в ИЛ 24 относятся к бракам между русскими князьями, 9 – к смешанным бракам и 3 – иные брачные связи. Как видно, большую часть составляли браки между русскими князьями.

Первые браки группы летописных сообщений о браках между русскими князьями относятся к 6651 (1143/4) г. В них говорится о том, что Всеволод Ольгович, тогда киевский князь, «приведе» за сына своего Святослава «Василковноу Полотьского кн(я)зя» (имя невесты не названо), а переяславский князь Изяслав Мстиславич отдал свою дочь (имя не названо) за полоцкого князя Рогволода Борисовича [2, стб. 313, 314]. Интересно отметить оценку браков сына Всеволода с полоцкой княжной и брака дочери Изяслава с полоцким князем, данную летописцем. Сообщив о браке Святослава Всеволодовича, летописец завершил рассказ о нем сообщением о том, что по поводу данного брака «скоупишася братья вся и безбожнии Ляховѣ и пиша оу Всеволода и тако разидошася». Иначе он описал брачное торжество дочери Изяслава: «и Всеволод князь Киевский прииде и съ женою и съ всеми бояры на свадьбу». Из многих летописных примеров известно, что даже к разнотническим христианским бракам в XII в. относились без осуждения. Между тем поляки,

присутствовавшие на брачном торжестве у Всеволода в качестве гостей, названы летописцем безбожными. Подчеркивается и характер торжества у Всеволода («пиша») и у Изяслава («свадьба»). Отметим, что здесь слово свадьба встречается в ИЛ впервые.

Замеченные особенности текстов могут свидетельствовать о том, что этих записей в киевском своде XII в., послужившем одним из основных источников ИЛ, первоначально не было. Они были внесены в ИЛ, скорее всего, в XIV в. Об этом говорит не только отношение редактора летописи христианина греко-православной церкви, но и графические особенности текстов. Например, написание слова «дочь» соответствует XIV столетию, а не XII, когда слово «дочь» писалось как «дщерь» и т.п.

Попробуем разобраться в родственных отношениях вступивших в брак. Как видно из ИЛ, все браки между русскими князьями были браками родственников. Причем родственников из правящего рода Рюриковичей. В частности, названные браки были браками между кровными родственниками по боковым линиям. Родоначальником браков стал великий киевский князь Владимир I Святославич. Родственные отношения по линии полоцких князей развивались от полоцкого князя Изяслава Владимировича, а родственные отношения киевских и черниговских князей развивались от Ярослава Владимировича. Изучение родословного дерева Изяслава и Ярослава показывает, что дочь Василька Рогволодовича (Васильковна) и сын Всеволода Ольговича Святослав Всеволодович находились в кровном родстве по боковой линии в 11-й степени. Дочь Изяслава Мстиславича и сын Бориса Всеславича Рогволод также находились в кровном родстве по боковой линии в 11-й степени.

Православная церковь разрешала браки между родственниками до определенной степени, разделяя их на браки по родству и по свойству. Правила вырабатывались в течение многих веков в рамках вселенской христианской церкви и были обязательны для всех христиан. Сначала браки по родству запрещались до 3-й степени. Они относились к прелюбодеяниям и расторгались. Браки по родству до 4-й степени, хотя и не разрешались по суду церкви, но и не расторгались, если были заключены. Это видно из правил 87-го кесарийского архиепископа св. Василия Великого (IV) и 54-го VI вселенского собора (VII) [4, т. 1, с. 540–544; т. 2, с. 455–462]. Браки по свойству были запрещены до 4-й степени включительно [4, т. 1, с. 541–544]. Правила о браках по свойству действовали до определения Константинопольского Синода от

21 февраля 997 г., когда браки по свойству были запрещены до 6-й степени включительно. Что касается браков по родству, то здесь принципиальные изменения были внесены Константинопольским Синодом только в постановление от 11 апреля 1166 г. при патриархе Луке. По этому постановлению, брак в кровном родстве был запрещен до 7-й степени включительно [4, т. 1, с. 545]. Таким образом, браки между русскими князьями, отмеченные выше, с канонической точки зрения не только не противоречили существовавшим тогда церковным правовым нормам, но и опережали их.

Все последующие браки, отмеченные в ИЛ до конца XII в., по убывающей степени родства можно выстроить следующим образом. Самыми дальними родственниками, вступившими в брачные отношения, были дочь (имя не названо) удельного витебского князя Всеслава и тогда удельный князь суздальский Ярополк Ростиславич. Родоначальником родства стал Владимир I Святославич. Родственные отношения развивались по линиям полоцкого князя Изяслава Владимировича и сначала новгородского, а потом киевского князя Ярослава Владимировича. Всеславна и Ярополк Ростиславич находились в браке по родству по боковой линии в 16-й степени. В ИЛ брак отмечен под 6683 (1175) г. [2, стб. 598]. Дочь владимирово-волинского князя Романа Мстиславича и старший сын (имя не названо) галицкого князя Владимира Ярославича находились в браке по родству по боковой линии в 14-й степени. Родоначальником родства стал Ярослав Мудрый. Родственные отношения развивались по линиям новгородского князя Владимира Ярославича и сначала переяславского князя, а затем великого киевского князя Всеволода Ярославича. В ИЛ брак отмечен под 6696 (1188/9) г. [2, стб. 659–660].

Наибольшее число браков между русскими князьями на начальной стадии феодальной раздробленности были браки по родству по боковой линии в 11-й степени. Это браки между старшей дочерью (имя не названо) удельного князя городенского Всеволода Давыдовича и черниговским князем Владимиром Давыдовичем в 6652 (1144/5) г. [2, стб. 317], между сыном Ярослава Осмомысла Владимиром и дочерью Святослава Всеволодовича Болеславой в 6675 (1166/7) г. [2, стб. 527], между дочерью Рюрика Ростиславича (имя не названо) и сыном Святослава Всеволодовича Глебом в 6690 (1183/4) г. [2, стб. 624–625], между дочерью Рюрика Ростиславича (имя не названо) и Святославом Игоревичем в 6695 (1187/8) г. [2, стб. 659], между дочерью Рюрика Ростиславича Всеславой и ря-

занским князем Ярославом Глебовичем в 6707 (1198/9) г. [2, стб. 708]. К бракам 11-й степени по свойству относится также брак между младшим сыном Святослава Ольговича и снохой (свестью) (имя не названо) великого владимирского князя Всеволода III. Свесь Всеволода III была женой брата Всеволода Михаила (Михалки) Юрьевича. После смерти Михаила Всеволод выдал его жену замуж за сына своего дальнего родственника в 6688 (1180/1) г. [2, стб. 624].

Два зафиксированных в ИЛ в изучаемое время брака между русскими князьями относились к бракам по родству по боковой линии в 10-й степени. Это были браки между младшей дочерью (имя не названо) удельного князя городенского Всеволода Давыдовича и удельным князем туровским Юрием Ярославичем и между дочерью (имя не названо) Всеволода III и черниговским князем Ярополком. Браки были заключены в 6652 (1144/5) г. [2, стб. 317] и в 6698 (1189/90) г. [2, стб. 672].

Браки между сыном Ростислава Мстиславича Романом и дочерью (имя не названо) Святослава Ольговича в 6656 (1147/8) г. [2, стб. 368], между сыном Владимира (Владимирка) Владимировича (Володаревича) Ярославом Осмомыслом и дочерью Юрия Владимировича Ольгой в 6658 (1150/1) г. [2, стб. 394], между дочерью Ростислава Мстиславича Агафьей и удельным князем новгород-северским Олегом Святославичем в 6673 (1164/5) г. [2, стб. 524–525] и между дочерью (имя не названо) Святослава Ольговича и Ярополком Изяславичем в 6674 (1165/6) г. [2, стб. 525] были браками по родству по боковым линиям в 9-й степени. Браками по родству по боковым линиям в 8-й степени были браки между дочерью (имя не названо) Юрия Владимировича ростовского и сыном Святослава Ольговича новгород-северского Олегом в 6658 (1150/1) г. [2, стб. 394], между дочерью (имя не названо) Изяслава Давыдовича черниговского и сыном Юрия Владимировича Глебом в 6663 (1155/6) г. [2, стб. 482]. Все перечисленные браки, как видно из ИЛ, были браками между дальними родственниками и не противоречили церковным правовым нормам.

Браки по родству ниже 8-й степени с 1166 г. были запрещены. Тем не менее такие браки, по ИЛ, в нарушение церковных правил иногда заключались. Так, в 6675 (1166/7) г. был заключен брак между дочерью удельного муромского князя Юрия Ярославича Мальфридой и луцким князем Всеволодом Ярославичем [2, стб. 527]. Изучение генеалогического дерева Мальфриды Юрьевны и Всеволода Ярославича показывает, что родоначальником родства этой брачной

пары стал Изяслав II Мстиславич. У его сына Ярослава родились сыновья, внуки Изяслава, Юрий и Всеволод. Всеволод женился на дочери своего родного брата Юрия. Всеволод и Мальфрида находились в родстве в 3-й степени. В 6695 (1187/8) г. [2, стб. 658], как отмечалось выше, был заключен брак между дочерью Всеволода III Верхуславой и сыном Рюрика Ростиславича Ростиславом. Родоначальником родства у этого брака был Владимир II. Родственные отношения развивались по линиям Мстислава I и Юрия Долгорукова. Это был брак по родству по боковой линии в 7-й степени, т.е. находился на грани запрещенных брачных отношений. Следует заметить, что в данном случае отцы вступивших в брак нарушили церковные правила дважды. Во-первых, в 1187/8 г. родство в 7-й степени считалось церковью близким, а браки между близкими родственниками запрещались. Во-вторых, Верхуслава, хотя и была значительно моложе своего супруга, приходилась ему теткой. Церковь рекомендовала от таких браков также воздерживаться, поскольку становилось не понятным, кем жена будет для своих детей матерью или бабушкой. Другим примером запрещенного брака был брак между дочерью (имя не названо) удельного новгород-северского князя Игоря Святославича и удельным новгород-северским князем Давыдом Святославичем. Родоначальником родства стал отец Олега и Игоря Святослав Ольгович. Дети Олега и Игоря, Давыд и дочь Игоря, были двоюродными братом и сестрой. Их брак был браком по родству в 4-й степени. Брак был заключен в 6698 (1189/90) г. [2, стб. 668].

Противоправные браки между русскими князьями падают на время в конце жизни и после смерти великого киевского князя Ростислава Мстиславича. С 1168 г. борьба за киевский стол обостряется. Происходит частая смена одного киевского князя другим. Меняются киевские митрополиты. Четких хронологических рамок их пребывания в Русской земле в это время не сохранила ни одна летопись. Особенно слабо прослеживается церковная власть на Руси с середины 60-х гг. и до начала 80-х гг. XII в. Упоминания о митрополитах этого времени Иоанне IV и Константине II в ИЛ имеют единственный характер [2, стб. 522, 552]. Можно предположить, что ослабление великокняжеской и центральной церковной власти способствовали ослаблению достигнутых результатов в области христианизации, в частности в вопросах брачных отношений между русскими князьями по сравнению, например, со временем накануне феодальной раздробленности [2, стб. 248–293].

В подтверждение этого предположения свидетельствуют иные княжеские браки. В ИЛ о них говорится трижды.

Под 6678 (1170/1) г. летописец пространно сообщил о большом походе на половцев, задуманном тогда киевским князем Мстиславом Изяславичем, сыном Изяслава II Мстиславича. Ссылаясь на то, что половцы «с нами роту взимаючи всегда переступающе», он призвал русских князей к походу. По ИЛ, на его призыв откликнулись двенадцать князей «Рюрикъ и Д(а)в(ы)дъ полкъ весь, а самому ему несдравующю и Всеволодича С(вя)тославъ и Ярославъ Олегъ С(вя)тославичъ бра(т) его Всеволодъ Ярославъ из Лоучьска Ярополкъ Мъстиславъ Всеволодковичъ С(вя)тополкъ Гюргевичъ Глѣбъ ис Переяславля братъ его Михалко и инии мнози» [2, стб. 538]. Поход закончился победой. В ряде мест были захвачены половецкие вежи. Русские князья «взяша полону множество якоже всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники и чагами и дѣтми ихъ и челядью и скоты и конми хр(ес)тяны же отполонивше пустиша на свободу» [2, стб. 540].

В церковно-славянском языке слово «колодник» обозначает пленник, а слово «чага» – пленница [5, с. 259, стб. 1; с. 1118, стб. 1]. Таким образом, летописец рассказал о захвате русскими князьями половецких пленников и пленниц, причем в таком количестве, что они смогли «всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изобилья». Летописец не отождествлял колодников, чагов и их детей с челядью [4, с. 814, стб. 2]. Он не пояснил, зачем русским князьям надо было так много пленников и пленниц. Уточнение о результатах похода имеется в Московском летописном своде 1479 г. Под 6677 (1169/70) г. составитель Московского свода 1479 г. записал, что русские князья «множество полону взяша, яко всѣм Русскимъ воемъ наполнитися до обилья женами и дѣтми их; и челядью и скоты и кони; и много множество товара поимаша, а хр(ес)тяны отполонивше распустиша их коегождо въсвоеси» [6, с. 77–78]. Летописцы не говорят о том, что половецких пленниц во время похода русские князья захватили не только для воинов, среди которых, вероятно, обычным делом продолжало оставаться многоженство, но и для князей. О том, что многоженство князей практиковалось, рассказывает сохранившийся под 6698 (1190/1) г. рассказ в ИЛ о женах киевского князя Святослава Всеволодовича. Летописец сообщил, что в этом году, осенью, половцы напали на принадлежавший Святославу Всеволодовичу, г. Чюрнаев. Половцы захватили острог, сожгли двор «и статокъ

его весь поимаша и двѣ жены его яша и челяди много яша» [2, стб. 669]. Из дальнейшего летописного повествования видно, что Святослав Всеволодович, кроме двух жен в г. Чюрнаеве, имел жену, княгиню, в Киеве. К ней он обращался с последними просьбами перед своей смертью в 6702 (1194/5) г. [2, стб. 680]. Известно также о том, что при живой жене, княгине Ольге Юрьевне, галицкий князь Ярослав Осмомысл имел наложницу Анастасию [2, стб. 394, 564]. Церковь категорически запрещала многоженство. Нарушение порядка пресекалось и жестоко наказывалось. При этом страдательной стороной мог быть как послушавшийся князь, так и его возлюбленная, если она не принадлежала к княжескому роду.

Примером тому могут быть брачные связи галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла. В 6658 (1150/1) г., тогда еще галицкого княжича, Ярослава женили на дочери ростовского князя Юрия Владимировича Ольге [2, стб. 394]. У Ярослава родился сын Владимир. Через два года после смерти отца Ярослав стал галицким князем. Под 6681 (1170/1) г. читаем в ИЛ о бегстве княгини Ольги с сыном в Польшу, где они пробыли восемь месяцев. Причиной бегства стала возлюбленная галицкого князя Анастасия, родившая Ярославу сына Олега. После ухода Ольги в Галиче вспыхнул мятеж. Возмущенные галицкие мужи «накладъше огонь сожгоша» «Настаську», а сына ее «в заточение послаша а князя водивше ко кр(ес)ту яко ему имѣти княгиню въ правду» [2, стб. 564].

Запрещая многоженство, в случае необходимости (смерть или другие уважительные причины) церковь разрешала второй брак. Вопросам второго брака правила православной церкви уделяют много внимания [4, т. 2, с. 28, 81–82, 378–382, 424–425, 432, 448–449 и др.]. Все канонические нормы в отношении второго брака в целом согласуются с правилами 4-м и 50-м, высказанными св. Василием Великим [4, т. 2, с. 378–381, 432]. Из этих правил следует, что только третий брак является незаконным. Что касается второго брака, то св. Василий Великий, хотя и считал его уступкой человеческой слабости, все же называл законным.

В ИЛ сохранились примеры нескольких вторых браков между русскими князьями середины и второй половины XII в. Это брак между дочерью удельного новгород-северского князя Игоря Святославича и удельным же новгород-северским князем Давыдом Ольговичем, заключенный в 6698 (1189/90) г. [2, стб. 668]. Первый раз Давыд Ольгович был женат на дочери (имя не названо) владимирово-волынского князя

Андрея Владимировича Доброго [1, с. 165]. Второй раз Давыд женился примерно в 30 лет и, как отмечалось выше, на своей двоюродной сестре. Вторым был также брак между дочерью сначала смоленского, а потом киевского князя Ростислава Мстиславича Агафьей и удельным новгород-северским князем Олегом Святославичем с 6673 (1164/5) г. [2, стб. 524–525]. Второй раз Олег женился в возрасте примерно 30 лет. Первый раз Олег женился на дочери ростовского князя Юрия Владимировича Долгорукова в 6658 (1150/1) г. [2, стб. 394].

Вторым браком можно назвать и брак галицкого князя Владимира Ярославича с женой попа, которую летописец презрительно называет попадъей 6696 (1188/9) [2, стб. 659–661]. В 6695 (1187/8) г. Ярослав Осмомысл умер. По завещанию Галич достался сыну Олегу (от Анастасии), а сыну Владимиру – Перемышль. Но, «сдоумавъ же моужи Галичкыйи с Володимеромъ перестоупишетъ хр(ес)тъное целование и выгнаша Олга из Галича и бѣжа Олегъ о(т)тоуду во Вроучии к Рюрикови а Володимеръ сѣде в Галичѣ на столѣ дѣда своего и о(т)ца своего» [2, стб. 656–657].

Однако вскоре галичане выдвинули Владимиру Ярославичу условия, связанные с его второй женой, в прошлом попадъей. Первый раз сына Владимира, как известно, Ярослав галицкий женил на дочери киевского князя Святослава Всеволодовича Болеславе в 6675 (1166/7) г. [2, стб. 527], когда ему было не более 15 лет [1, с. 154]. Что стало с Болеславой не известно. Возможно, она умерла. Возможно, была отвергнута. Но под 6696 (1188/9) г. в ИЛ записано о том, что Владимир «поя оу попа женоу и постави собѣ женоу и родися оу нея два с(ы)на» [2, стб. 659–660]. Ко времени записи, сделанной в летописи, Владимиру Ярославичу было не более 37 лет. Когда Владимир стал княжить в Галиче, галицкие мужи открыто сказали ему о том, что они не хотят «кланятися попадъи», а хотят «ю оубити» «и симъ емоу пригрозиша». Владимир бежал с женой и сыновьями «во Оугры ко королеви». И только после того как за Галич стали бороться венгерский король Бела III, владимирово-вольтынский князь Роман Мстиславич и двоюродный брат Ярослава Осмомысла Ростислав Берладничич, и в ходе этой борьбы в жизни галичан наступил хаос, галичане «почаша тоужити велми и много каяшася прогнавше князя своего» [2, стб. 665].

Таким образом, браки князей с лицами из иной социальной среды в Русской земле в XII в., по сути, приравнивались к многоженству и считались незаконными. Исключение делалось только для дочерей новгородских посадников.

Например, в летописи под 6663 (1155/6) г. сообщается о браке сына Юрия Долгорукова Мстислава и дочери (имя не названо) новгородского посадника Петра Михайловича [2, стб. 482].

Кроме браков между русскими князьями и иных княжеских браков в ИЛ содержится информация о смешанных княжеских браках. Условно их можно разделить на браки с римско-католиками и с половчанками. Первыми браками в этой группе летописных сообщений отмечаются браки дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича «Верхоуславы» в 6645 (1136/7) г. [2, стб. 300], «дщи Всеволожи» (имя не названо) в 6649 (1141/2) г. [2, стб. 308, 309] и дочери черниговского князя Всеволода Ольговича «Звѣнциславы» в 6650 (1142/3) г. [2, стб. 309–312]. Все были выданы замуж в «ляхи». При этом имена супругов в ИЛ не названы, кроме имени польского короля Болеслава, ставшего мужем Звениславы. К бракам с римско-католиками относятся также браки между братом Изяслава II Мстиславича Владимиром Мстиславичем и дочерью венгерского бана и между Всеволодом Святославичем и дочерью польского короля Казимира. Имя Казимировны не названо. Отцом супруги князя Владимира, как установил М. К. Юрасов, был венгерский бан Белуш. Под 6702 (1194/5) г. сообщается о браке между дочерью Глеба Святославича Ефимьей и византийским царевичем (имя не названо).

Смешанным бракам, под которыми отцы церкви имели в виду браки разноверные, в церковных правовых нормах отводилось заметное место. Если православный мужчина вступил в брак с иноверной женщиной или наоборот, то такой брак, согласно правилу 72-му VI вселенского собора, считался незаконным и расторгался [4, т. 1, с. 560–561, 563–564]. Ослушники предписаний этого правила подлежали отлучению от церкви. Однако, в зависимости от обстоятельств, смешанные браки были возможны. Церковь исходила из того, что в условиях распространения христианства разноверных браков было много. Если один из супругов был христианином, а другой нет, но добровольно соглашался на брачные отношения с супругом христианином, то брак не расторгался. Это обстоятельство по церковным канонам служило надежным средством и побуждением к принятию правой веры и другим супругом. Предполагалось, что православный супруг будет иметь нравственное влияние на всю семейную жизнь и тем самым смешанный брак будет «святиться» [4, т. 2, с. 562]. В правилах в общей форме говорится о запрещении браков христиан с язычниками, иудеями, турками и еретиками [4,

т. 1, с. 560–564; т. 2, с. 86–87, 103, 557–558, 572]. О браках с римско-католиками вопрос не ставился вплоть до XI в. Когда вырабатывались правила православной церкви, разделения вселенской церкви на католиков и православных еще не произошло. Поэтому в правилах нет понятий о римско-католической и греко-православной церквях. Поскольку специальных правил, запрещающих браки с католиками не было, то и не было препятствий к их заключению. Можно сказать, что по традиции, установившейся задолго до этого, разноэтнические браки между русскими православными христианами и христианами-католиками продолжали заключаться. С этих же позиций церковь смотрела и на заключение браков с половчанками.

Всего в ИЛ с 1132/3 г. 1198/9 г. упоминается о четырех княжеских браках с половчанками. Это браки между киевским князем Изяславом II Мстиславичем и царевой дочерью «из Обез» (имя не названо) в 6662 (1154/5) г. [2, стб. 468], между белгородским князем Рюриком Ростиславичем и дочерью половецкого князя «Белуковной» (имя не названо) в 6671 (1162/3) г. [2, стб. 521–522], между черниговским князем Мстиславом Святославичем и «языней из Владимира-Суздальского» «Всеволожей свестью» в 6690 (1183/4) г. [2, стб. 624–625] и между сыном князя Владимира Игорем и «Кончаковной с дитятѣм» (имя не названо) в 6695 (1187/8) г. [2, стб. 659].

Правовые нормы православной церкви затрагивали и другие стороны княжеских браков. Так, правило 42-е св. Василия Великого запрещало сыновьям и дочерям вступать в брак без согласия отца. В случае послушания такую связь считали блудом. Согласие отца обуславливало законность брака, ибо «тогда супружество получает твердость» [4, т. 2, с. 425–426]. Позже это правило было включено и в Кормчую книгу. С этой точки зрения все названные браки были строго каноничны. Как правило, князь подыскивал для своей дочери или сына будущую жену или будущего мужа. Согласия детей для этого не требовалось. Отец сам определял необходимость заключения брака. Об этом свидетельствуют все примеры, в которых говорится о княжеских браках. Особенно отчетливо роль отца-князя видна на примерах вступающих в брак детей Юрия ростовского. В 6663 (1155/6) г. «повелѣ Дюрги Мъстиславу с(ы)н(о)ви своему Новѣгородѣ женитися Петровною Михалковича и оженися». «Тои же зимѣ Дюрги поя оу Изяслава Д(а)в(ы)д(о)вича Черниговѣ дщерь его за с(ы)на свое(го) Глѣба в Киевѣ» [2, стб. 482].

Если отец-князь умер, не успев выдать замуж дочь или женить сына, то об этом заботились близкие родственники-князья или великий князь. Так, в 6652 (1144/5) г. Всеволод Ольгович, будучи киевским князем, «о(т)да двѣ Всеволодковнѣ Володимери вноуцѣ единою за Володимира за Д(а)в(ы)д(о)вича а другоу за Ярославича за Дюрдя обѣ единой неделѣ» [2, стб. 317]. Всеволод с 1116 г. состоял в браке с дочерью Владимира Мономаха Агафьей. У него были две дочери. В 1142 г. Всеволод умер. Поэтому Всеволод Ольгович выдавал их замуж. Одна стала женой звенигородского князя Владимира Давыдовича, а другая – женой удельного муромского князя Юрия Ярославича. В 6686 (1179/80) г. Всеволод Юрьевич «призва» к себе во Владимир Владимира Святославича «и вда за нь свою братанъноу Михалковоу дщерь» [2, стб. 612]. То есть Всеволод выдал замуж дочь своего умершего брата Михалки. При этом жена брата, мать невесты, была жива. А в 6688 (1181/2) г. Всеволод суздальский согласился освободить Глеба Святославича из плена при условии, что его отец Святослав Всеволодович, отдаст своего «меншаго» сына за его «свесть», т.е. за жену умершего брата [2, стб. 624].

Жен и мужей для своих внуков могли подыскивать и князья-деды. В 6698 (1190/1) г. Святослав «ожени вноука своего «Д(а)в(ы)да Олговича Игоревною» [2, стб. 668]. Под 6702 (1194/5) г. летописец сохранил сообщение о том, что в этом году к киевскому князю Святославу Всеволодовичу «приде» «вѣсть от сватовъ иже идяхоуть поимати вноуки С(вя)тославлѣ Глѣбовны Офимьи за цр(ъ)вича» [2, стб. 680]. Несмотря на предсмертное состояние, Святослав Всеволодович распорядился послать «противоу имъ моужи Киевьскыя». Участие отца невесты, черниговского князя Глеба Святославича, в организации брака дочери в ИЛ не прослеживается. В июле 1194 г. Святослав Всеволодович умер. В октябре 1194 г., по М. В. Югану, Ефимия Глебовна стала женой византийского царевича Алексея [1, с. 182]. Если учесть, что Глеб Святославич состоял в браке с 1183 г. [2, стб. 624–625] и что в этом браке у него родились сын Мстислав, дочь Ефимия и еще одна дочь, неизвестная по имени [1, с. 163], то в 1194 г. Ефимии Глебовне было не более 11 лет.

Все приведенные примеры говорят о том, что деды, отцы и старшие братья строго следили за тем, чтобы браки совершались внутри княжеского рода. Допускались лишь браки с представителями правящей среды в других государствах и в половцах. Приведем наиболее характерные из известных случаев. Под 6658 (1150/1) г. в ИЛ

читаем: «Изяславъ сгадавъ съ зятоу своимъ королемъ и съ сестроу своею королевою и по-яша оу бана дчерь за Володимера и послаша ю къ Изяславу напередъ Володимиру» «и тако пославъ Изяславъ и приведе бановну за брата своего Володимера и быс радость велика и веселие» [2, стб. 407, 408]. В 6662 (1154/5) г. Изяславъ «поя собѣ женѣ» «црву дщерь» из «Обезъ» и «оучини сватбу» [2, стб. 468]. В 6695 (1188) г. «приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною и створи свадбоу Игорь с(ы)нови своему и вѣнча его и с дѣтятемъ» [2, стб. 659].

Правила православной церкви не обошли стороной и обрядовую сторону браков. Как видно из ИЛ, браки должны были благословляться, венчаться в церкви и отмечаться свадебным торжеством. Принимая во внимание святость брака, правила 53-е и 54-е поместного Лаодикийского собора требовали, чтобы христианские свадьбы проводились скромно и благоговейно [4, т. 2, с. 112–113]. «Не подобаетъ христианамъ, на браки ходящимъ, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианамъ» – гласило 53-е правило. Как духовным лицам, так и мирянам участвовать в свадьбах, на которых происходят «вещи, приличествующие только язычникам», воспрещалось. Правило о том, какой должна быть христианская свадьба, как видно из ИЛ, не выдерживалось. В Русской земле в XII в. свадьбы справлялись весело. Летописец называет свадьбы русских князей «великой радостью» и «веселием». Не случайно в церковно-славянском языке того времени слова «свадьба» и «веселие» были синонимами [5, с. 918].

Христианские браки порождали широкий круг родственников по свойству. С середины XII в. понятия сват, сноха, свесть (невестка), стрый, сестричич, сыновец, уй (брат матери, дядя по матери), вдова, шурин и другие встречаются в ИЛ постоянно [2, стб. 334, 339, 455, 492, 506, 508, 509, 658 и др.]. Церковь и князь регулировали отношения родственников по свойству, способствуя тем самым развитию общественных отношений. Каждому представителю княжеского происхождения по церковным канонам отводилось свое место в социальной структуре его рода.

Итак, со второй трети и до конца XII в. в ИЛ сообщается почти исключительно о княжес-

ких браках. При этом речь идет только о князьях правящего рода Рюриковичей.

Княжеские браки были христианскими, они регулировались нормами церковного права, хотя о деятельности церкви в вопросах браков в Русской земле в это время в ИЛ прямо не говорится. Это является одним из свидетельств того, что в XII в. правящий род князей был достаточно глубоко христианизирован, христианские браки князей стали нормой, обычным делом. Гарантом соблюдения церковных канонов выступали как церковь, прежде всего в лице митрополита и епископов, так и князь и «мужи».

Вместе с тем ослабление великокняжеской и центральной церковной власти в Русской земле на начальной стадии феодальной раздробленности иногда приводили к отступлению от церковных брачных традиций и возвращению к старым отношениям.

Почти полное отсутствие в ИЛ упоминаний о брачных отношениях иных социальных групп и слоев в Русской земле в XII в. позволяет предположить, что христианские княжеские браки в это время были отличительной чертой правящего рода и в этом смысле способствовали формированию политической элиты Руси в период становления ее государственности. Христианские княжеские браки положили начало развитию общественных отношений в Русской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коган В. М. История дома Рюриковичей (опыт историко-генеалогического исследования) / В. М. Коган. – СПб. : Бельведер, 1993. – 286 с.
2. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 2.
3. Лысенко А. Программа «Вечный Календарь» / А. Лысенко // Православный церковный словарь / сост. В. Южин. – М. : Амрита-Русь, 2008.
4. Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского : пер. с серб. – М. : Отчий дом, 2001.
5. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений : учеб. пособие / сост. священник Григорий Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2010. – 1120 с.
6. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 25.

Воронежский государственный университет

Панова В. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

E-mail: history@mail.ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

Panova V. I., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: history@mail.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14